

занятости, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Важно анализировать, с одной стороны, механизмы функционирования рынка труда, перспективы его развития, с другой – такой анализ выводит на многие аспекты социальной политики и борьбы с бедностью, безработицей, позволяет разрабатывать определенные рекомендации на конкретном материале.

*И.Н. Кочкин*

## **СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА: ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ**

Наш жизненный опыт формируется под воздействием объективно существующей данности, которая служит для него сырым необработанным материалом. Мы познаём людей и вещи, как обладающие некоторой ценностью или не обладающие ею. И при этом редко задумываемся о том, что именно мы, субъекты наблюдения, являемся источником ценностных критериев и ориентаций, а совсем не люди и вещи – объекты наблюдения. Первостепенной задачей разума является необходимость выделить собственное «я» из хаотичной, не имеющей чётких упорядоченных взаимосвязей данности, противопоставить себя ей и тем самым отделить «ценность» от «действительности». Сущностное свойство разума состоит в том, что он постепенно научается то отключать своё оценивающее сознание, то целенаправленно его использовать. Таким образом, мы неосознанно воссоздаём из первоначального хаоса объективно существующей данности сперва «царство природы», которая есть не что иное как внешняя среда, действительность, но только очищенная от заблуждений и предпочтений индивидуальных оценок. Когда же разум начинает действовать вполне осознанно, устанавливая определённую шкалу ценностей и взаимосвязей между ними, он, как «царство ценностей», противопоставляется «царству природы». Неосознанное поведение можно и целесообразно рассматривать как элемент естественно-научной методологии, а оценивающий образ действия характерен для философии в её трёх ипостасях: логики, этики и эстетики.

Однако, наряду с неосознанным и оценивающим поведением, существует два промежуточных вида: относящийся к ценности и надценностный (метафизический). Суть поведения, относящегося к ценности, можно раскрыть с помощью понятий, непосредственно им вызываемых. Допустим, понятие науки не идентично ценности истины, ведь научное знание любой конкретно-исторической эпохи характеризуется не только достижениями, но и заблуждениями. С другой стороны, если мы совершенно обоснованно включаем как удачные, так и неудачные исследования в понятие науки, поскольку они были востребованы и интересны, они тоже входят в понятие истины. Наряду с неосознанным, оценивающим и относящимся к ценности образом мышления и поведения существует ещё и надценностный, религиозный образ мышления и поведения. Религия -- это высшая форма утверждения всего сущего. Она предполагает преодоление негативной, минусовой ценности (или отсутствия ценности) и поэтому -- преодоление положительной, плюсовой ценности, которая мыслится лишь как отрицание своей противоположности. Предлагаемый подход позволяет также снять острое противоречие между ценностью и действительностью, поскольку мы рассматриваем ценность как сущность какой-либо вещи, то есть ценность выступает в качестве принципа её бытия.

Религия, являясь преодолением противоположности положительной и отрицательной ценностей, обуславливает тем самым эту противоположность. Она -- утверждение всего сущего. В противном случае её прекрасное Всепрощение ничем не отличалось бы от механического равнодушия неосознанного образа действия, лишённого какой бы то ни было осмысленности. В сферу действия религии попадает только то, что берёт своё начало в царстве ценностей: фактически религия находится «по ту сторону», а природа «по эту сторону» царства ценностей. Религия как социально-культурное и метафизическое явление порождена неустранимостью контраста между ценностью и действительностью. Четырём перечисленным формам мышления и поведения соответствуют четыре формы действительности: бытие, ценность, смысл и суть.

Право – творение человеческого разума и может быть понято только из собственной идеи. Рассматривать всё созданное руками и разумом человека с точки зрения целеполагания, обусловленного слепыми и обезличенными силами природы, то есть без оценочного суждения, бессмысленно и непродуктивно. Таким образом, невозможно неосознанное, лишённое разумной оценки, суждение о праве или каком-либо правовом явлении. На наш взгляд, право может быть понято и истолковано только в рамках категориального аппарата, относящегося к ценности. Право – это один из базовых элементов культуры, то есть факт, подпадающий под понятие ценности. Категорию права нельзя определить иначе, как данность, смысл и назначение которой заключается в реализации идеи права. Право может быть несправедливым, но оно является правом постольку, поскольку его сущность сводится к тому, чтобы быть справедливым. Идея права является одновременно конститутивным принципом и ценностно-ориентационным критерием правовой действительности, выступает в роли элемента оценивающего образа действия. Из сказанного следует, что мы имеем возможность рассмотреть феномен права, опираясь на три методологические позиции: 1) как понятие, относящееся к ценности, то есть как факт культуры, что составляет суть правовой науки; 2) как культурную ценность в ракурсе целенаправленных усилий оценивающего сознания, что характерно для философии права; 3) как понятие, характеризующее с точки зрения его сущности или отсутствия таковой, что свойственно метафизическому подходу религиозной философии права.

Метод исследования феномена права с развёртыванием ценностной оценки характеризуется двумя существенными чертами: дуализмом и релятивизмом. Кантовская философия учит нас, что невозможно из сущего познать, что есть ценное, что есть истинное, что есть должное. Никогда что-либо не является истинным только потому, что оно есть, было или даже будет. Отсюда является самоочевидным отрицание позитивизма, который имеет дело с объективно существующей данностью фактов, историзма, который имеет дело с прошлым и даже эволюционизма, который всё рассматривает с точки зрения развития. Даже

знание определённого направления развития не позволяет уверенно и обоснованно судить об истинности движения в этом направлении и ошибочности движения в обратном направлении. Поэтому неизбежное не является тем, чего следует страстно желать и добиваться всеми силами, а казалось бы, невозможное – неправильным. Принципы должного, ценностные суждения, оценки могут и должны выводиться не из индуктивности размышлений о сущем, а лишь дедуктивно, на основе других аналогичных принципов. Ценность и бытие существуют совершенно независимо друг от друга и в этом суть методологического дуализма. Конечно же, в области правовой науки возникает потребность выводить правильное регулирование из природы вещей как она отображается в объективной данности фактов. Эта потребность прежде, чем она станет необходимостью, нуждается в довольно серьёзных обоснованиях. Идея материально обусловлена. Она формируется на определённой материально-предметной основе и непосредственно связана с ней. В каждой идее априорно заложено стремление соответствовать материалу, из которого и для которого она была рождена. Проще говоря, идея определяется материалом, поскольку она изначально была предназначена для этого материала. Эту взаимосвязь можно назвать материально-предметной предназначенностью идеи. Поэтому не будет лишним и бесполезным прозреть идею в самом материале и то, как она в нём материализуется. Но подобное предугадывание идеи в материале являет собой пример довольно редкого интуитивного прозрения, но не метод познания. Невыводимость категории и доказательной базы ценности из реальности характеризует формально-логическую, но не каузальную связь. Дуализм метода вовсе не означает, что оценки и суждения не подвержены влиянию реальных фактов. Можно предположить, что оценивающие действия являются этакой идеологической или, по меньшей мере, идеологизированной надстройкой над действительностью, социальной средой, при соприкосновении с которой факты истинного бытия осваиваются и принимают легко опознаваемую, контролируруемую форму. Социология знания утверждает, что любая идеология социально обусловлена. В данном случае речь идёт не о каузальной связи между

действительностью и оценочными суждениями, а скорее о формально-логической связи между бытием и ценностью. Утверждается не то, что оценки не обусловлены действительностью, а скорее то, что они не могут обосновываться, исходя исключительно из неё. Принципы должного могут обосновываться и доказываться лишь посредством других принципов должного. Именно по этой причине высшие принципы должного недоказуемы. Они аксиоматичны. Фактически их нельзя познать, их можно лишь принимать на веру. Наука, как ценность, способна научить желаемому и возможному, но не должному. В сфере должного функция науки может быть реализована трояким образом. Во-первых, она может разработать и представить необходимые средства для осуществления целей в этой сфере. Хотя в исторической и социально-философской ретроспективе можно без труда увидеть, что при выборе должного средства для продвижения правильной идеи принято руководствоваться правовой политикой, а не философией и социологией права. Выбор средства для продвижения правовой идеи в зависимости от господствующей концепции правовой политики может не только определяться данной идеей, но и влиять на неё. Важность и ценность предложенной идеи изначально должны быть полностью сформулированы в сознании; должны быть избраны и обоснованы средства, необходимые для её реализации на практике и неизбежно связанные с этим последствия. Такого рода оценка средств, выбираемых для реализации правовой идеи, является сферой применения познавательных и объяснительных возможностей философии и социологии. Во-вторых, в задачу философии и социологии права входит не только правоведческая оценка идей, ценностей и целей, включая широкий круг средств их реализации, но и выяснение противоположных точек зрения вплоть до их мировоззренческих предпосылок. Они по сути ставят сформулированный Кантом вопрос: возможна ли такая правоведческая оценка, каковы истоки этой правоведческой оценки, какие предпосылки следует признать необходимыми и достаточными, чтобы принять то или иное оценочное решение? Следует воссоздать всю систему ценностей, исходя из правовой оценки, которая обусловила эту систему. Не средства

реализации и предпосылки возникновения правовой оценки должны нас интересовать, а сама правовая оценка как она есть. Мы обязаны помнить, что, давая сознательную правовую оценку, принимая ценностное решение о какой-либо правовой идее в сфере должного, не можем отвергать как средства её продвижения, продиктованные каузальной необходимостью, так и суждения общего порядка, в контексте которых она предстаёт на фоне формально-логических взаимосвязей. Именно благодаря такому подходу появляется возможность систематически развивать предпосылки и исходные начала правовых оценок с присущими им противоречиями и взаимосвязями, разработать в рамках общего мировоззренческого подхода методологию изучения правовых решений и сформировать таким образом не просто систему научных воззрений философии и социологии права, а систематику всех их возможных систем. Данный метод далёк от чистого эмпиризма, исключая его применение в сфере философского мышления. Здесь дело не ограничивается безжизненной действительностью и прикладной узостью фактических философско-правовых оценок. В гораздо большей степени он обнаруживает пригодность для исследования их природной сущности, которая субстративно отражается в идее и оценивающем отношении к ней. Замысел человека, дающего правовую оценку и принимающего на основе этой оценки правовое решение, является лишь исходным пунктом. Конечной же целью должно быть подтверждение (опровержение) истинности этого замысла с помощью анализа каузальных и формально-логических связей. Смысл не в том, чтобы констатировать какую-либо идею в правовой сфере, но в том, чтобы сделать её ясной, полностью доступной для понимания и поддающейся корректировке. Применение этого метода позволит индивиду осознать объективное значение предпринимаемого волевого акта, и либо укрепит его убеждённость в правильности сделанной оценки либо заставит усомниться в ней, поскольку обнаружит явное несоответствие замысла реальности. В рамках релятивистского подхода у индивида всегда есть выбор между многочисленными воззрениями, конституциональные черты которых формировались на базе различных

мировоззренческих предпосылок. Философия релятивистского подхода признаёт только одно ограничение, а лучше сказать – самоограничение, сопровождающее выбор любого оценивающего решения, и связано оно с недоказуемостью (неопровержимостью) окончательных ценностных суждений. Описанный метод называется «релятивизмом», потому что его высшей целью является установление правильности любого ценностного суждения только относительно определённого окончательного ценностного суждения и только в рамках определённой ценности, и определённого мировоззрения. При этом правильность самого ценностного суждения, ценности и мировоззрения, из недр которого они происходят, оказывается вне пределов анализа. Релятивизм – категория теоретического, но отнюдь не практического разума. Он означает отрицание строго научного обоснования окончательных ценностных суждений, а не суждений самих по себе. Релятивизм допускает множественность мировоззренческих обоснований, а потому при доказательстве окончательного ценностного суждения нет необходимости приводить своё мнение, поскольку все имеющиеся обоснования ставятся под сомнение в одинаковой степени. Философия релятивистского подхода отказывается признавать существенное и вообще какое бы то ни было значение за единичной точкой зрения по поводу конкурирующих ценностей лишь потому, что все они и каждая в отдельности рассматриваются как абсолютно равнозначные, ведь релятивизм исходит из того, что всё недоступное нашему сознанию живёт в высшем сознании. Именно поэтому единые для всех критерии убеждённости невозможны. При этом важно помнить о том, что: 1) в одном национальном сообществе не одно, а множественное понимание ценности, даже если одно из них претендует на абсолютность; 2) задача каждой национальной науки заключается в том, чтобы осознать себя в отношениях с другими национальными науками; 3) любое понимание, если только оно не зиждется на голом прагматизме, постепенно приходит к релятивизму.

Может показаться, что вопрос о понятии права относится сугубо к теории, а не к философии и социологии права. На самом деле теория права всегда

стремилась вывести понятие права индуктивно из отдельных правовых явлений. В принципе возможно путём сравнения отдельных правовых явлений вывести общее понятие, которое составило бы их основу. Подобным образом можно вывести понятие права, но только не обосновать его. Опираясь на опыт, можно вывести сколь угодно большое число общих понятий. Но общность подобных понятий, касающихся определённого круга отдельных фактов, не может служить надёжной гарантией их ценности. Неказуальность, важность общих понятий нельзя доказать с помощью индуктивного метода. Для того, чтобы установить, является ли данное правовое понятие общим и какой цели оно служит, необходимо обратиться к способам получения таких понятий. Понятие права – понятие, относящееся к сфере культуры, то есть понятие действительности, опосредованной ценностью действительности, смысл которой – служить ценности. Право – это действительность, смысл которой в том, чтобы служить правовой ценности, идее права. Понятие права также стремится к идее права. Идея права не может быть чем-то другим, как только справедливостью. Есть все основания рассматривать справедливость в качестве исходного начала, так как она, подобно добру, истине, красоте, – абсолютна, то есть является ценностью, которую никак нельзя вывести из любой другой ценности. Можно относиться к справедливости как к формам морального добра. Подобное отношение заставляет видеть в ней образ мышления и поведения, наиболее близкий к объективному пониманию справедливости. У неё совсем другой предмет оценки в отличие от морального оценочного суждения, которое всегда относится к отдельному человеку, его воле, характеру, образу мыслей. Социальная этика даёт оценку человеку в его отношениях с другими людьми, но никогда самим отношениям. Справедливыми в смысле объективной справедливости могут быть только отношения между людьми. Идеал морального добра – в идеальном человеке; идеал справедливости – в идеальном общественном строе. Но, с другой стороны, справедливость может быть двоякого рода, выступать в нескольких ипостасях одновременно. Справедливым можно признать применение закона, или же сам закон. Первый вид справедливости будет разумно назвать честностью. В этом



случае справедливость означает равенство. Но равенство само может принимать различные значения. Оно может относиться к вещам или людям; оно может быть относительным или абсолютным. Принцип справедливости (равенства) ради совершенствования положений истинного права целесообразно дополнить другими основополагающими принципами. Справедливость – не единственный правовой принцип, служащий критерием для определения понятия права. Хотя совершенно ясно, что право – это действительность, подлинная ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости. В борьбе за верховенство в праве правовая справедливость конкурирует с этической справедливостью. Правовая справедливость рассматривает частный случай с точки зрения общей нормы, нравственная справедливость усматривает в частном случае свой собственный закон, который должен подняться до общего закона, поскольку оба вида справедливости носят обобщающий характер. При сравнении этих видов справедливости выявляется методологическое различие между развитием истинного права из общих принципов и познанием истинного права из природы вещей. Нравственная справедливость – это справедливость частного случая и право всё равно продолжает оставаться действительностью, неотменимая ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости. Мы видим возможный путь, ведущий к определению понятия права, но ещё не имеем самого определения. Нужно выяснить, какого рода эта действительность, которая призвана служить справедливости. Действительности, смысл которых в служении идеям, имеют психологизированную природу оценок и требований, и представляют собой особый вид действительности, промежуточное звено между идеей и другими действительностями. Они принадлежат в качестве опосредованных данностей самой действительности, но имеют одновременно преимущество перед другими действительностями, устанавливая для них ценностные критерии и подчиняя определённым требованиям. Такой соотносённой с правовой идеей данностью является предписание. С его помощью может быть показан особый характер этой действительности, а также позитивность и нормативность права. Предписание,

как особый вид действительности, относящейся к правовой идее справедливости, направлено на отношения людей между собой. Предписание имеет социальный характер. В соответствии с сутью справедливости эти отношения следует формировать в смысле равенства. Таким образом, сущность правового предписания состоит в том, чтобы осуществлять регулирование согласно своей природе в интересах равенства, стремиться к обобщённости и быть общим по своему смыслу. Можно констатировать позитивный и нормативный, социальный и общий характер правового предписания (правовой нормы или оценки). В этом ключе право определяется как совокупность предписаний, общих по своей природе, регулирующих отношения между людьми в обществе. Это определение получено не индуктивно, путём обобщения отдельных правовых явлений, а дедуктивно выведено из правовой идеи. Кроме того, оно не юридическое, а «доюридическое», то есть оно априорно по отношению к юридической науке. Понятие права – не обычное, не казуальное, а важное общее понятие. Право совсем не потому право, что оно классифицирует отдельные правовые явления, скорее – явления лишь потому правовые, что они охватываются понятием права. Понятие права включает целый ряд отдельных правовых явлений, априорных по своей природе. Они - первичны, не результат, а инструмент науки, не случайно обобщённая совокупность правовых явлений, а необходимые категории юридического мышления. Одновременно позитивная и нормативная природа права приводит к возникновению понятия правовой нормы и её элементов, что априорно указывает на немыслимость существования правовой нормы без предмета её регулирования и на то, что предмет регулирования и само регулирование неизбежно должны включать в себя – фактический состав и правовые последствия. С двойственностью природы права тесно связан вопрос о происхождении права, об источниках возникновения права. Безусловно, не является правом то, что не способно доказать своего нормативного характера. Нормативность права порождает двоякую возможность действия – согласно и вопреки ей, и понятия правомерности и противоправности, априорно выдвигающие положение о том, что любой правовой факт должен быть

подтверждён. Действие права, как регулятора общественной жизни, взаимоотношений людей предполагает, что содержание этого регулирования должно включать в себя обоснование правоотношений и их элементов – возложение правовой обязанности и наделение субъективными правами. Немыслим правовой порядок, который не реализуется посредством правоотношений, прав и обязанностей. А права и обязанности немислимы без субъектов, которые являются их носителями и без объектов, в отношении которых они действуют. Априорность – понятие, касающееся отношений. Оно характеризует отношение определённых понятий к определённому фактологическому материалу. Априорность понятия права проявляется на фоне всей полноты юридических фактов. Особый интерес представляет создание единого универсального каталога правовых понятий, то есть таблицы симметричных, соотносящихся друг с другом априорных правовых понятий.

*С.А. Ловыгин*

## **ИНВЕСТИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Российское общество существует в рамках экономики рыночного типа. Произошедшие изменения привели население к необходимости вырабатывать навыки существования в условиях рынка.

Важнейшими качествами современного человека становятся умение эффективно планировать свою деятельность, методичность, точность<sup>1</sup>. *Эффективность* означает поиск наилучших средств для достижения цели. *Методичность* – привычка планировать и разбивать на определённые этапы любое действие, отделять в нём субъективные эмоции от объективных условий и последствий; благодаря тотальной рационализации она распространяется на все сферы жизнедеятельности человека. Вслед за М.Вебером, можно утверждать, что рациональность становится базовой характеристикой современной культуры; она

---

<sup>1</sup> Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социол. исслед. 2005. № 7. С. 15.